

СВЯТОЙ
ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРГИЙ
РАДОНЕЖСКИЙ

Сборник

**Святой Преподобный Сергей
Радонежский. Жизнеописание**

Православное издательство "Сатись"

2011

Сборник

Святой Преподобный Сергей Радонежский. Жизнеописание /
Сборник — Православное издательство "Сатись", 2011

ISBN 978-5-7868-0114-0

«Радуйся, Духа Святаго обитель» Преподобного Сергия Радонежского именуют Ангелом Земли Русской. Его молитва собирала, защищала, оберегала Русь; его служение Пресвятой Троице воплощало идеал русского человека – идеал жизни во Христе. Житие преподобного Сергия было любимым чтением в русских семьях, оно читалось на богослужениях, а в Лавру преподобного по-прежнему стекается русский народ во дни праздников, в печали и в радости. Первое жизнеописание преподобного Сергия было составлено учеником святого – Епифанием Премудрым (первая половина XV века). В XIX веке появляются новые жизнеописания. Их авторы – митрополиты Московские Платон (Левшин) и Филарет (Дроздов); известные церковные историки архиепископ Филарет (Гумилевский) и Е.Е. Голубинский. В основе настоящего издания – жизнеописание, составленное иеромонахом Никоном (Рождественским), впоследствии архиепископом Вологодским и Тотемским. Оно было подготовлено к 500-летию со дня кончины преподобного Сергия, в 1892 году. Главные достоинства этого жития – его полнота, историческая достоверность и тщательность; простой и доступный язык; духовная цельность и ясность. Облик преподобного Сергия, молитвенника Земли Русской, вновь встает перед нами со страниц жития, и радуется сердце тихой радостью, утешается дивным светом и чудными делами подвижника.

ISBN 978-5-7868-0114-0

© Сборник, 2011
© Православное издательство
"Сатись", 2011

Содержание

Глава I	11
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Святой Преподобный Сергей Радонежский. Жизнеописание

К 700-летию со дня рождения

*Аще мужа свята житие списано будет, что от того польза велика
есть и утешение вкупе, и писателям, и сказателям, и послушателям.
Епифаний Премудрый*

*Буди ревнитель право живущим, и сих житие и деяние пиши на
сердце своем.
Св. Василий Великий*

Издание второе, исправленное и дополненное

*По благословению
архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА*

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС-11-105-0408*

«Слава Богу о всем о всяческих ради! Слава показавшему нам житие мужа свята и старца духовна, благодарим Бога за премногую Его благодать, бывшую на нас, яко дарова нам свята старца, господина преподобного Сергия, в земле нашей Рустей, в стране полунощней». Так начинается свое сказание о житии и подвигах преподобного отца нашего Сергия его присный ученик, блаженный Епифаний. «Дивлюся же, – говорит он, – како толико лет минуло, а житие святаго старца не писано было, и о сем сжалихся зело, како убо таковой святой старец пречудный и предобрый, отнележе преставися 26 лет преиде, и никто не дерзныше писати о нем, ни дальний, ни ближний, ни больший, ни меньший».

Сии слова Премудрого Епифания еще с большим правом можем повторить мы, с той лишь разницей, что со дня кончины преподобного Сергия до нашего времени протекло не 26, а

уже пятьсот лет, и до сих пор мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца не только в смысле самостоятельного исторического исследования о его жизни и подвигах, о его значении в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и вообще нравственного воспитания русского народа, но даже и простого, полного перевода жития, написанного Епифанием. Правда, существует более десятка разных житий преподобного Сергия, и лучшее из них, конечно, то, которое составлено святителем Московским Филаретом. Но это житие предназначено было для чтения при Богослужении и читано самим в Бозе почившим иерархом в Лавре, на всенощном бдении 5 июля 1822 года. По своим достоинствам внутренним это житие – слиток золота, но, как предназначенное для церковного чтения, оно по необходимости отличается краткостью и опускает многие подробности, драгоценные для благоговейных почитателей памяти великого угодника Божия. Следует еще упомянуть о двух житиях преподобного Сергия, помещенных в сочинениях «Русские Святые» преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, и «Жития Святых Российской Церкви» А.Н. Муравьева; но ни то, ни другое также не имеют желанной полноты, потому что составители этих житий, описывая жития всех Русских Святых, по необходимости старались быть краткими в изложении. Из отдельных изданий следует упомянуть только одно, вышедшее уже после 2-го издания нашей книги, к 500-летию преставления преподобного Сергия, – «преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» Е. Голубинского. Автор предлагает в этой книге, как сам он говорит, «повествование о преподобном, с одной стороны, краткое, а с другой стороны – полное, без опущений воспроизводящее все частности его жизни, как естественного, так и сверхъестественного характера». Но и эта книга не может вполне удовлетворить благоговейного читателя памяти великого угодника Божия, довольно сказать о ней одно уже то, что ради «краткости» автор ее не имеет в виду дать в ней назидательное чтение, а предлагает лишь сжатое изложение фактов, собранных им из всех исторических источников и изложенных в форме «жизнеописания». Притом и это «жизнеописание» издано нераздельно с «путеводителем по Лавре» и составляет как бы введение к этому «путеводителю». На других отдельных изданиях, вроде сочинения г. Лаврентьева, не считаем нужным останавливаться, так как они представляют плохие переделки из Епифания или же просто заимствования из вышеупомянутых авторов.

Предлагая благочестивым читателям свое описание «Жития и подвигов преподобного и Богоносного отца нашего Сергия», потрудившийся в его составлении считает долгом сказать, что он вовсе не имел в виду писать ученое исследование о жизни угодника Божия, он задался более скромной целью – собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о преподобном Сергии, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники. Для настоящего четвертого издания вновь пересмотрено по возможности все, что вышло в 1891–1893 годах по случаю 500-летия преставления угодника Божия, и таким образом многое в тексте дополнено и исправлено. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо: это отсутствие в наличной духовной литературе полного жития преподобного Сергия. Подумать только, кто был преподобный Сергей для нашей Русской Церкви, для Русского Государства, для русского народа? Святая Церковь прекрасно характеризует его, называя столпом Церкви. Он не только сам был крепким столпом Церкви Христовой, но, по выражению одного из наших архипастырей, Херсонского архиепископа Никанора, «уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся к нему людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих. До 70 монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одной из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое Великорусское

племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом Православия. Будучи сам высшим носителем христианского православного духа, он примером, назиданием, молитвами своими много содействовал и содействует напитанию этим духом всего православного российского народа, духом, – который составляет руководительное начало, крепость и славу народной русской жизни. Потому-то к преподобному Сергию, как к неиссякающему роднику крепкого русского духа, притекают на поклонение, для назидания, для молитвы и до сего дня многие тысячи народа. Ни один вблизи путешествующий инок не минет обители преподобного Сергия. Редкий из иерархов Русской Церкви не припадал до праха земного пред ракой преподобного Сергия. Все до единого из Венценосцев России приносили у раки преподобного свои молитвы (особенно по вступлении на царство). Не только члены нашего Царствующего Дома, но и премногие члены иностранных царственных семейств приходили туда же то молиться, то изучать русскую жизнь у самых ее основ, у того родника, у одного из главных родников, из которых она бьет ключом».

«Если бы возможно было, – говорит известный наш историк В.О. Ключевский, – воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет было молчаливо передумано и пережито перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет тоже общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный

Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос: что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно».

Так характеризуют великое духовное значение преподобного Сергия, с одной стороны, один из наших знаменитых духовных витий, с другой – один из глубоких знатоков нашей родной истории.

В другом своем слове, обращаясь к житию преподобного отца нашего Сергия, архиепископ Никанор справедливо говорит, что это житие «переносит нас в новый для нас, хотя и стародавний мир, мир других людей – святых людей, других воззрений – святых воззрений, других обычаев – святых обычаев, в мир отречения от мира и себя, в мир святых великих подвигов, в мир вольного неуклонного несения креста Христова... Чувствуешь в душе разноразвучие гармонии этого мира с дисгармонией нашего внутреннего и внешнего мира, и, с одной стороны, мирно настраивается сердце умилением – так вот взял бы крылья, яко голубине, и полетел бы туда, в пустыню, за 500 лет назад, а с другой, надывается сердце, что поневоле приходится жить многомятежной жизнью своего века...» Справедливо говорит преподобный Иоанн Лествичник: «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцов, делается более смиренной в мыслях своих».

Так благотворно действуют на душу описания подвигов великих угодников Божиих, каков был преподобный отец наш Сергий. «Якоже ароматы, – говорит святитель Платон, митрополит Московский, – чем более растираются руками, тем больше издают благоухания, тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза». Но это сравнение еще недостаточно сильно: ароматы со временем все же утрачивают силу своего благоухания, а жития святых – никогда. Это – неистощимые очаги благодатного огня, от которых каждый может возжигать в самом себе

такой же огонь ревности Божественной, и сколько бы таких огней ни зажигали от них, сами они никогда не умалются...

От жизнеописателя обыкновенно требуют, чтобы он не только знакомил читателя со всеми ему известными событиями из жизни описуемого лица, но и рисовал пред ним живую личность, вводил во внутренний духовный мир этого лица, давал читателю возможность при чтении жизнеописания пожить вместе с тем лицом, с кем его знакомят, полюбоваться его достоинствами, подышать, так сказать, воздухом той эпохи, в которую жило и действовало это лицо. Справедливость требует сказать, что при жизнеописании святого лица выполнить эти требования можно только отчасти. В Бозе почивший Московский святитель Филарет по сему случаю однажды выразился так: «Ненадежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним». И действительно, описывая жизнь обыкновенного смертного, писатель может больше полагаться на свой духовный опыт: описывая жизнь подвижника, он должен быть сам подвижником...

Увы! Сего-то, столь существенного, условия для написания полного жития преподобного отца нашего Сергия потрудившийся в составлении сей книги и не имеет! Глубоко сознавая свою нищету духовную, он и не помыслил бы взять на себя такой непосильный труд, если бы не имел пред собой труда первого жизнеописателя Сергия, его ближайшего ученика преподобного Епифания. Этот ученик потщился, елико было ему дано, в себе самом воплотить добродетели своего великого наставника, опытно проходил под его руководством жизнь духовно-подвижническую и потому в состоянии был лучше, чем кто-либо иной, списать жизнь своего святого старца в назидание наше... Но и он сознавал всю трудность такого дела, и он говорил: «Якоже не мощно есть малей лодии велико и тяжко бремя налагаемое понести, сице и превосходит нашу немощь и ум подлежащая беседа... Подобаше ми отнюдь со страхом удоб молчати и на успех своих перст положите, сведущу свою немощь... Яко выше силы моя дело бысть, яко немощен есмь, и груб и неразумичен...» Одно, что заставило его взяться за труд, это горячая любовь к почившему старцу: «Любовь и молитва преподобного того старца привлекает и томит мой помысл, и принуждает глаголати же и писати...» Он скорбит об одном: как бы не пришло в совершенное забвение житие такого великого старца, как бы чрез это забвение не потеряна была навсегда духовная польза читателей... «Аще убо аз не пишу, а ин никтоже не пишет, боюся и осуждения притчи онаго раба лениваго, скрывшаго талант и обленившагося».

С такими мыслями приступал к своему труду первый благоговейный «списатель» жития Сергиева. Нужно ли говорить, с какими чувствами должен приступать к сему делу недостойный писатель нашего грешного времени? И он должен сознаться, что не без долгих колебаний решился на свой труд, призывая на помощь молитвы преподобного старца и его присного ученика Епифания Премудрого... А когда для полноты изображения личности угодника Божия приходилось говорить о внутренних духовных состояниях, он брал черты из писаний Богомудрых отцов-подвижников, изобразивших эти состояния, на основании собственного опыта, в своих писаниях...

Последуем же, благочестивый читатель, шаг за шагом вослед блаженного Епифания; будем благоговейно внимать его простому, задушевно-теплому, сердечному повествованию, прислушаемся и к тем урокам, какие извлекают из его рассказа наши святители: Платон и Филарет – митрополиты Московские, Филарет, архиепископ Черниговский, Никанор, архиепископ Херсонский, и другие проповедники и благочестивые писатели... И если эта книга даст вам возможность хоть немного отдохнуть душой за ее чтением, хоть на несколько минут забыть окружающую вас суету земную, перенестись мыслью и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу родную древность, повитать со святыми и преподобными обитателями дремучих лесов радонежских, подышать благоуханием молитв Сергиевых, насладиться созерцанием его Боголюбезного смирения, тогда мы почтем себя

счастливыми и воздадим славу Господу. А если книга наша не удовлетворит любознательности вашей, если составитель ее чего не дописал, или переписал, или в чем погрешил, то смиренно просит в том прощения и с глубокой благодарностью примет всякое доброе замечание и указание погрешностей на случай нового издания.

*Архимандрит Никон
Лавра преподобного Сергия
Марта 12 дня,
1885-1891-1898*

Глава I

Сын радости

Радуйся, от чрева материя освященный.

Радуйся, в рождении твоём сыном радости нареченный.

Акаф. 2, икос 1.

*Радуйся, яко прежде рождения приглашением прославивый
Святую Троицу.*

Ик. Минеи.

Радуйся, пречудное в младенчестве постничество нам являяй.

Акаф. 1, ик. 3.

Верстах в четырех от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого, на ровной открытой местности по пути в Ярославль, уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы: это заштатный Варницкий монастырь. По древнему преданию, почти шестьсот лет тому назад тут была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей, потому что весь эта была благословенной родиной великого печальника и заступника Русской земли, преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея Руси Чудотворца. Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр Ростовских Кирилла и Марии; тут был их дом; тут и жили они, предпочитая уединение сельской природы суете городской жизни при княжеском дворе.

Впрочем, Кирилл состоял на службе сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича; он не раз сопровождал их в орду, как один из самых близких к ним людей; владел достаточным по своему положению состоянием, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, он не пренебрегал и обычными сельскими трудами; мы увидим потом, что Кирилл посылал, например, своего малолетнего сына за конями, так же как и теперь посылают своих малюток простые поселяне.

Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Говоря о них, блаженный Епифаний замечает, что Господь, благоволивший воссиять в земле Русской великому светильнику, не попустил родиться ему от неправедных родителей, ибо такому детищу, которое, по устройению Божию, должно было впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобало иметь и родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рожденного и самих родивших во славу Божию. И праведность их была известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они помогали и бедным, но особенно свято хранили они заповедь Апостола: страннолюбия не забывайте: *тем бо не видяще нации странноприяша Ангелы* (Евр. 13, 2). Тому же учили они и детей своих, строго внушая им не опускать случая позвать к себе в дом путешествующего инока или иного усталого странника. До нас не дошло подробных сведений о благочестивой жизни сей блаженной четы, зато мы можем вместе со святителем Платоном сказать, что «самый происшедший от них плод показал лучше всяких красноречивых похвал доброту благословенного древа. Счастливы родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве! Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели!»

Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына – будущего основателя Троицкой Лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рождения сего святого младенца дивный Промысл Божий уже дал о нем знамение, что это будет великий избранник Божий и святая отрасль благословенного корня. В один воскресный день его благочестивая мать пришла в церковь к Божественной литургии и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, в притворе церковном вместе с прочими женами. Началась литургия, пропели уже Трисвятую песнь, и вот, незадолго пред чтением Святого Евангелия, вдруг среди общей тишины и благоговейного молчания младенец вскрикнул у нее во чреве так, что многие обратили внимание на этот крик. Когда начали петь Херувимскую песнь, младенец вскрикнул в другой раз, и притом уже столь громко, что голос его был слышен по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшие близ нее женщины стали между собой переговариваться, что бы мог означать этот необыкновенный крик младенца? Между тем литургия продолжалась. Священник возгласил: «Вонмем! Святая Святым!» При этом возгласении младенец вскрикнул в третий раз, и смущенная мать едва не упала от страха: она начала плакать... Тут ее окружили женщины и, может быть желая помочь ей успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: «Где же у тебя младенец? Отчего он кричит так громко?» Но Мария, в душевном волнении обливаясь слезами, едва могла вымолвить им: «Нет у меня младенца, спросите еще у кого-нибудь». Женщины стали озираться кругом и, не видя нигде младенца, снова пристали к Марии с тем же вопросом. Тогда она вынуждена была сказать им откровенно, что на руках у нее действительно нет младенца, но она носит его во чреве...

– Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери? – возражали ей удивленные женщины.

– Я и сама удивляюсь этому, – отвечала им Мария, – и нахожусь в немалом недоумении и страхе...

Тогда женщины оставили ее в покое, не переставая, впрочем, удивляться этому необыкновенному случаю.

«В наше время, – говорит святитель московский Филарет, – свидетели подобного происшествия, вероятно, имели бы немало заботы об изыскании причины, произведшей сие необыкновенное явление. Более проницательные, может быть, осмелились бы догадываться, что молитвенный восторг благочестивой матери в три важные периода священнодействия сообщил необыкновенное возбуждение жизни плоду, который носила она во чреве. Но **В** то время любили не столько любопытные умствования, сколько благоговейное наблюдение путей Провидения, и народ выходил из церкви, повторяя написанное в Евангелии об Иоанне Предтече: *что убо отроча сие будет?* (Лк. 1, 66). Да будет над ним воля Господня!»

Благоговейный писатель жития Сергиева, преподобный Епифаний, сопровождает свое повествование о сем необыкновенном происшествии таким размышлением: «Достойно удивления, – говорит он, – что младенец, будучи во чреве матери, не вскрикнул где-либо вне церкви, в уединенном месте, где никого не было, но именно при народе, как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались достоверными свидетелями сего обстоятельства. Замечательно еще и то, что прокричал он не как-нибудь тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нем, и не тогда возгласил он, когда мать его была где-нибудь на пиршестве или почивала, но когда была она в церкви, и именно во время молитвы, как бы указывая на то, что он будет крепким молитвенником пред Богом; не прокричал он в каком-либо ином месте, но именно в церкви, где пребывают святыни Господни и совершаются священнодействия, знаменуя тем, что и сам он будет совершенной святыней Господа в страхе Божиим. Достойно замечания также и то обстоятельство, что не возгласил он однажды во веки!» Так, в строгом посте и частой сердечной молитве, пребывала богобоязненная мать святого дитяти; так и само дитя, благословенный плод ее чрева, еще до появления своего на свет, некоторым образом уже предпочищался и освящался постом и молитвой.

«О, родители, – замечает при повествовании о сем святитель Филарет, – если бы вы знали, сколько добра или, напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и отдает грехи отцов на чада (Числ. 14, 18); и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3, 13).

Кирилл и Мария видели на себе великую милость Божию; их благочестие требовало, чтобы одушевлявшие их чувства благодарности к благодетелю Богу были выражены в каком-либо внешнем подвиге благочестия, в каком-либо благоговейном обете, а что могло быть приятнее Господу в таких обстоятельствах, в каких они находились, как не крепкое сердечное желание и твердая решимость оказаться вполне достойными милости Божией? И вот праведная Мария, подобно святой Анне, матери пророка Самуила, вместе со своим мужем дала такое обещание: если Бог даст им сына, то посвятит его на служение Богу. Это значило, что они, со своей стороны, обещали сделать все, что могли, чтобы на их будущем дитяти исполнилась воля Божия, совершилось тайное о нем предопределение Божие, на которое они уже имели некоторое указание. Немного, конечно, таких родителей, да едва ли и найдутся в наше грешное время такие счастливицы, которые могли бы так решительно, и притом непогрешительно, определить судьбу своих детей еще до их рождения; опасно и неразумно давать обеты, исполнение коих не зависит от воли обещающих; праведные родители Сергиевы могли сделать это потому, что имели уже таинственное указание на будущую судьбу их дитяти; но кто из христианских родителей не желал бы видеть в детях своих будущих граждан Царства Небесного? А если все желают, то пусть же все и полагают в сердце своем твердый и неизменный обет – делать со своей стороны все, что от них зависит, чтобы их дети были истинными чадами Божиими по благодати, чтобы они были покорными сынами нашей общей матери святой Церкви Православной, чтобы ни дети, ни родители не испытали потом горькой участи сынов Царствия, которые будут изгнаны, по слову Господню, во тьму кромешную. «Для чего человек создан от Бога?» – спросили одного простого старца. «Чтобы быть наследником Царствия Божия», – отвечал он...

3 мая 1319 года в доме боярина Кирилла была общая радость и веселье: Марии Бог дал сына. Праведные родители пригласили своих родных и добрых знакомых разделить с ними радость по случаю рождения нового члена семьи, и все благодарили Бога за сию новую милость, явленную Им на доме благочестивого боярина. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним Святое Крещение и в то же время исполнить свое обещание представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его. Благоговейный иерей по имени Михаил нарек младенцу во святом крещении имя Варфоломей, конечно потому, что в этот день (11 июня) праздновалась память святого апостола Варфоломея, ибо сего требовал тогдашний церковный обычай; но это имя и по самому значению своему – сын радости – было особенно утешительно для родителей сего младенца, ибо можно ли описать ту радость, которая переполняла их сердца, когда они видели перед собой начало исполнения тех светлых надежд, которые почивали на сем младенце со дня его чудесного приглашения во чрево матери? Кирилл и Мария рассказали этот случай священнику, и он, как сведущий в Священном Писании, указал им много примеров из Ветхого и Нового Заветов, когда избранники Божии еще от чрева матери были предназначены на служение Богу; привел им слова Пророка Давида о совершенном предвидении Божиим: *несодеянная моя видесте очи Твои* (Пс. 138, 16), и апостола Павла: *Бог воззавый мя от чрева матери моея явити Сына Своего во мне, да благовествую Его в языцех* (Гал. 1, 16), и другие подобные места Священного Писания, и утешил их благодатной надеждой относительно их новорожденного: «Не смущайтесь, – говорит он им, – а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы». И, благословив дитя и его родителей, служитель алтаря Христова отпустил их с миром.

Между тем мать, а потом и другие стали примечать в младенце опять нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясной пищей, то младенец не брал сосцев ее, то же повторялось и уже без всякой причины, по средам и пятницам; так что в эти дни младенец вовсе оставался без пищи. И это повторялось не раз, не два, а постоянно. Мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово, советовалась с другими женщинами, которые тщательно осматривали дитя, но на нем не было приметно никаких признаков болезни, ни внутренней, ни наружной; напротив, малютка не только не плакал, но и весело смотрел на них, улыбался и играл ручками... Наконец обратили внимание на время, когда младенец не принимал сосцев материнских, и тогда все убедились, что в этом детском посте «ознаменовались», как выражается святитель Филарет, «предшествовавшие расположения матери и проявлялись семена будущих его расположений». Возвращенный постом во чреве матери младенец и по рождении как будто требовал от матери поста. И мать, действительно, стала еще строже соблюдать пост: она совсем оставила мясную пищу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери.

Однажды Мария отдала младенца на руки другой женщине, чтобы та покормила его своей грудью, но дитя не захотело взять сосцев чужой матери, то же самое было с другими кормилицами. «Добрая отрасль доброго корня, – говорит блаженный Епифаний, – питалась только чистым молоком родившей его. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога, в самых пеленах поучался истине, в самой колыбели привык к посту и вместе с молоком матери навывкал воздержанию... Будучи по естеству еще младенцем, он выше естества уже предназначал пощение, с младенчества он был питомец чистоты, питаемый не столько молоком, сколько благочестием и предызбранный Богом еще до рождения»...

«Многие матери, – замечает по сему случаю святитель Платон, – не почитают важным делом кормить дитя своей грудью, но на самом деле это очень важно. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы матерние, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу? А с этой пищей, то есть с молоком, вливаются в младенца его будущие склонности и нравы». «Чужое молоко, – рассуждает в одном месте святитель Димитрий Ростовский, – не так полезно для младенца, как молоко его родной матери. Если кормилица больна, то будет больное и дитя; если она гневлива, неводержанна, сварлива, таково же будет и дитя, которое она кормит. Дитя, воспитанное чужим, не матерним молоком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, какую имеют дети, вскормленные ее собственным молоком. Да пристыдят таких матерей бессловесные животные: ни одно из них не доверяет другому питать собственных детей». «Лучше бы подумать доброй матери, – говорит святитель Филарет Московский, – отнимать ли мать вдруг у двух младенцев: у младенца кормилицы и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы может быть, тоску по оставленному ею собственному детищу, вместо того чтобы он пил любовь из груди своей матери». «Бывают матери, – говорит святой Златоуст, – которые своих детей отдают кормилицам. Христос не попустил сего. Он питает нас собственным Телом и напояет собственной Кровью».

Окончилось время кормления грудью Варфоломея; дитя покинуло колыбель, возрастая телом, оно укреплялось и духом, исполняясь разума и страха Божия, благодать Божия почивала на святом младенце, и добрые люди утешались им.

Глава II

Благодатный отрок

Радуйся, отроча добродушевное и благонадежное.

Радуйся, детище, всякия благодати Божия исполненное!

Радуйся, навывкувший хранить страх Божий, премудрости начало.

Радуйся, всем соучающимся тебе бывший добродетели зеркало!

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте. Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний. И школы грамотности, которых было очень немного в то время, учреждались попечениями епископов и вообще духовенства. Ростовским епископом в то время, о котором мы говорим, был Прохор, муж учительный и благочестивый. Под его руководством и учителями в школы назначались, конечно, люди богобоязненные.

Вместе с Варфоломеем учились и два брата его: старший Стефан и младший Петр. Братья обучались успешно, хотя Петру в то время не было и шести лет, а Варфоломей далеко отставал от них. Учитель наказывал его, товарищи упрекали и даже смеялись над ним, родители уговаривали, да и сам он напрягал все усилия своего детского ума, проводил ночи над книгой и часто, укрывшись от взоров людских, где-нибудь в уединении горько плакал о своей неспособности, горячо и усердно молился Господу Богу: «Дай же Ты мне, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня, Господи, просвети и вразуми!» Но грамота все же ему не давалась. «Тяжелое чувство испытывает человек, – говорит святитель Платон, – когда всей душой желает учиться, чувствует в себе пламенное влечение к просвещению, но на пути к достижению цели его желаний встречаются какие-либо непреодолимые препятствия». Сильно огорчалось своей безуспешностью и доброе дитя. Немало печалились о том и родители его, и учитель: всем было прискорбно, что мальчик лишается великого дара Божьего – в учении книжном. Но, видно, нужно было, чтобы отрок, о котором были столь добрые предзнаменования, ранним опытом научился, что никакого успеха, никакого знания, никакой способности не должно приписывать себе, но единственно Богу, Отцу светов, от Которого свыше сходит *всякое даяние благо и всякий дар совершенный* (Иак. 1, 17), и смиряться под крепкую руку (1 Пет. 5, 6) Того, Кто один *просвещает всякого человека, грядущаго в мире* (и н. 1, 9). Чего, однако же, не преодолеют прилежание и труды, а наипаче молитва, и особенно молитва, исходящая от чистого сердца невинного дитяти? и вот Господь, *близ сущий всем призывающим Его во истине* (Пс. 144, 18), внял, наконец, и усердной молитве благоразумного отрока Варфоломея и даровал ему просимое.

Раз отец послал его в поле искать жеребят, каковое поручение пришлось особенно по душе мальчику, любившему уединяться от людей. Здесь-то и случилось с ним нечто подобное тому, что было с Саулом, который, будучи также послан отцом своим для отыскания заблудившихся ослят, встретил пророка Самуила, возвестившего ему, что он будет царем над Израилем. На поле, под дубом, увидел Варфоломей незнакомого старца-черноризца, саном пресвитера; благоговейный и ангелоподобный старец приносил здесь свои молитвы Богу Вездесущему и изливал пред Всеведущим слезы сердечного умиления. Поклонившись ему, скромный отрок почтительно отошел в сторону, не желая прерывать его беседы с Богом, и стал вблизи, ожидая окончания молитвы. Старец окончил молитву, он с любовью взглянул на доброе дитя и, прозревая в нем духовными очами избранный сосуд Святаго Духа, ласково подозвал его к себе, благословил его, отечески поцеловал и спросил: «Что тебе надобно, чадо?»

Хотя мальчик был послан искать коней, но его тоскующая душа и теперь была всецело занята невеселыми мыслями о своей неспособности к учению; он забыл на этот раз о конях и с детской простотой поведал старцу свое сердечное горе.

«Меня отдали учиться грамоте, – сказал сквозь слезы Варфоломей, – и больше всего желала бы душа моя научиться читать Слово Божие, но вот, сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том; помолись за меня Богу, отче святой, попроси у Господа, чтобы Он открыл мне учение книжное, я верю, что Бог примет твои молитвы».

Умилился старец от таких речей малого отрока, он видел его усердие и, любуясь красотой детской души, отражавшейся на его кротком лице, воздел руки, возвел очи на небо, вздохнул к Богу из глубины сердечной и стал молиться, испрашивая дитяти просвещения свыше. О, как пламенна была эта молитва таинственного старца под открытым небом, под тенью дуба, и с каким трепетом надежды соединял с ней свою чистую детскую молитву блаженный Варфоломей! В этом трогательном единении двух душ – убеленного сединами старца и малого отрока – их общая молитва, как чистый фимиам, восходила на небо и достигла престола Всевышнего...

Старец заключил свою вдохновенную молитву священным словом «аминь» и бережно вынул из-за пазухи небольшой ковчежец. Открыв его, он взял оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя ею Варфоломея, молвил: «Возьми сие, чадо, и снеждь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и разума Святаго Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала: велика сладость вкушения от нея».

Нужно ли говорить, с каким восторгом принял святой отрок этот благодатный дар? Слезы радости блестели в его детском взоре, с благоговением вкусил он от св. хлеба и какой же сладкой показалась ему эта таинственная пища!

– Не об этом ли сказано в псалмах, – сказал он старцу, – *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим, и душа моя возлюби я зело!* (Пс. 118, 103).

Заметим, что юный Варфоломей, по святой любознательности и усердию, много псалмов заучил наизусть со слов своих благочестивых родителей и, конечно, повторял их в своих уединенных прогулках по полям и лугам своей родины. Поэтому и теперь пришли ему на память приведенные слова Псалмопевца.

– Если веруешь, чадо, – отвечал ему старец, – больше сих узришь. А о грамоте не скорби: ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других будешь пользоваться.

Радуюсь от всей души, что Бог привел ему встретиться с таким святым старцем, Варфоломей сладостно внимал его душеполезным наставлениям; как семена на добрую землю, так и благодатные слова старца ложились на его доброе сердце.

Довольно научив его о спасении души, старец хотел уже идти в путь свой, но благоразумный отрок не хотел расстаться со святым наставником, он пал к ногам его и со слезами умолял войти в дом его родителей. «Родители мои, – говорил Варфоломей, – очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения!»

Сколько детской простоты слышится в этих речах доброго мальчика! В них сказалась вся любящая душа святого дитяти, и как счастливы родители, которых Бог благословил такими детьми! Поистине такие дети – Божие благословение, они не только в себе самих носят это благословение небесное, но и собирают его, так сказать, отовсюду, чтобы привлечь на дом родительский.

С улыбкой любви последовал старец за своим юным странноприимцем, и с честью его встретили родители Варфоломея. Для благочестивых людей такой старец-инок – всегда желанный гость, а Кирилл и Мария особенно любили принимать и покоить у себя в доме иноков. Приняв благословение от старца, они предложили ему радушное угощение. Но гость медлил садиться за стол. «Прежде следует вкусить пищи духовной», – заметил он и направился в

моленную, которая в старое доброе время имелась в каждом доме благочестивых князей и бояр. Туда пригласил он с собой Варфоломея и, благословив начало третьего часа, велел ему читать псалмы...

Напрасно изумленный отрок отговаривался неумением, старец сам дал ему в руки книгу и настоятельно сказал, чтобы тот читал Слово Божие без сомнения. И что же? Отрок взял благословение от старца и, благоговейно осенив себя крестным знамением, начал стихословить Псалтирь стройно и внятно! И сам он, и родители, и братья не могли надивиться, как хорошо читает он. Ведь до сего времени он так тупо учился и мало понимал! Так впоследствии об этом рассказывал сам преподобный. Над ним сбылось, замечает блаженный Епифаний, слово Пророка: *также глаголет Господь: се дах слова Моя во уста твоя* (Нер. 1, 9).

После того святой гость вкусил предложенной ему трапезы и, благословив радушных хозяев, хотел удалиться, но благочестивым боярам жаль было так скоро отпустить его, им хотелось еще побеседовать с опытным в духовной жизни старцем, в котором они уже приметили дар прозорливости. Между прочим, они рассказали ему, как сын их, будучи еще во чреве матери, троекратно прокричал в церкви, и желали знать, что думает старец об этом случае, который самой необычностью своей заставляет их невольно задумываться над ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.